

Они сражались за Родину!

★ Сергей НУРТАЗИН ★

БАТАЛЬОН ПРОРЫВА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н90

Художник Игорь Варавин

Нуртазин, Сергей Викторович.

Н90 Батальон прорыва / Сергей Нуртазин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 320 с. — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину).

ISBN 978-5-04-183234-6

Ветеран Зимней войны младший лейтенант Андрей Скоморохов встретит начало Великой Отечественной войны в Перемышле, первом городе, отбитом у фашистов в 1941 году.

Лейтенанту предстоят кровопролитные битвы, отступление, бои в окружении, служба в партизанском отряде, тяжелый немецкий плен, нелегкое освобождение. Из спецлагеря НКВД он вернется на фронт в составе отдельного штурмового стрелкового батальона. Пробивая линии обороны и участвуя в уличных боях, БАТАЛЬОН ПРОРЫВА освободит Польшу и войдет на землю Германии.

Неоценимый опыт, полученный Скомороховым в начале войны, поможет ему выжить и встретить Победу в поверженном Берлине.

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-183234-6

© Нуртазин С. В., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Сентябрь 1944 года.
Специальный проверочно-
фильтрационный лагерь НКВД*

Ласковое осеннее солнце щедро поливало теплыми лучами просторный двор спецлагеря. Массивные деревянные двери четырехэтажного каменного здания отворились, из его чрева в сопровождении вооруженных конвойных выпала пестрая толпа. Люди быстро построились в колонну по три посередине двора. Это были невольные обитатели фильтрационного лагеря, иначе — спецконтингент, состоящий из командиров Красной Армии, побывавших в плену и на оккупированной врагом территории. Часть из них была в изрядно поношенной военной форме или в новом обмундировании, а часть — в гражданской одежде. Внешний вид остальных представлял некую смесь той и другой. Один из представителей этой группы, высокий, худощавый, одетый в ветхие серые брюки, свитер и разбитые башмаки, снял кепку, подставляя русоволосую коротко стриженную голову солнцу.

Пожилой седоусый старшина басовито крикнул:

— Вольно! Можете покурить.

Худощавый подошел к стене, оперся на нее плечом, достал из кармана кисет, обрывок газеты, скрутил «козью ножку».

— И где бы еще старшине так сильно повезло покомандовать над старшими командирами, — тихо произнес чернявый симпатичный парень в сером пиджаке, надетом поверх линялой гимнастерки. Отшвырнув выдавшим виды кирзовым сапогом камушек, он залез в карман галифе, вынул коробок спичек, встал рядом.

— Ну что, браток, мой огонёк — твой дымок? Согласен?

— Согласен.

Чернявый парень протянул руку.

— Арсений. Голота. Можно просто Сеня, я не гордый.

— Андрей. Скоморохов.

Голота зажег спичку, Скоморохов прикурил сигарку, несколько раз жадно затянулся. Арсений нетерпеливо спросил:

— Ну, как вам наш табачок?

Скоморохов выпустил густую струю дыма, отдал самокрутку Голоте.

— На, попробуй. Давно здесь?

Арсений почесал заросший густой щетиной подбородок.

— Шоб вы знали, то сегодня третий раз пойду в баню. Так шо получается, я в этом чудесном за-

ведении почитай месяц загораю. Но это мелочь, некоторые туточки по два и по три месяца куку-ют, а то и по полгода. Меня уже два раза на допрос вызывали. Неприятный тип, шо в кабинете засел, все нервы в кровь расчесал. Я себе думаю, шо вы из-под меня хотите? Шо вам надо от моей несчастной жизни? Уже сиди и не спрашивай вопросы, а он опять свою пластинку заводит. Когда? Зачем? Почему? Такой, брат, театр.

— А родом ты откуда?

— Родом я из Одессы, прекрасного города моря и акаций, — лицо Голоты погрузнело. — Только вот, когда немец пришел, пришлось мне с мамашей, папашей и сестрами перебраться в Астрахань. Мои родители на табачной фабрике работали, вот их и эвакуировали, как специалистов, вместе с семьей и оборудованием. Ну, и меня решили с собой забрать, подальше от одесской шпаны, с которой я имел интерес водиться. А когда в военкомате посчитали, шо Сеня Голота уже совсем взрослый мальчик, я отправился воевать.

Скоморохов обрадованно произнес:

— Выходит, мы с тобой почти земляки.

Голота удивленно посмотрел на Андрея.

— Ты шо, из Одессы?

— Нет, из Астрахани. Правда, там давно не был. Я оттуда четырнадцатилетним подростком уехал. А ты где в Астрахани жил?

— Рядом с заводом «Центрспирт».

— Мне неподалеку приходилось проживать. В детприемнике НКВД. Знаешь где?

— Знаю. Рядом деревянное здание, красивое такое.

— Там при царе пастор немецкий жил.

Голота потушил окурок об стену.

— А здесь знаешь, кто жил?

Скоморохов отрицательно мотнул головой.

— Не знаю.

— Курсанты пехотного училища. Их прямо отсюда в бой кинули. Говорят, из них немногие уцелели.

После недолгого молчания Скоморохов спросил:

— Как здесь оказался?

— Как? Да как многие из этой чудесной компании. Призыв в армию, потом ускоренные курсы младших лейтенантов. Я ведь на флот мечтал попасть, на военный корабль, а меня вместо этого в танкисты определили. Направили в двадцать пятый танковый корпус генерала Павлова, дали мне новую тридцатьчетверку, воюй, Сеня, сколько влезет, а тут началось наступление. После Сталинграда немчуру поперли так, шо не остановить. Ростов взяли, Харьков. Наш корпус до Запорожья десятка два километра не дотянул. Думали, шо всё будет в ажуре. Таки не случилось. До города рукой подать, а у нас горючего нема и боеприпас на исходе. Тут немцы решили гонор показать. Обложили со всех сторон. Деваться некуда, мы на прорыв пошли. Помню, сидел в танке, потом взрыв. Вылез из машины очумелый, гляжу, рядом механик-водитель лежит, я к нему, а он мертвый. Тут фрицы

появились. Я отстреливался, пока патроны в пистолете были, а потом пришлось перед ними, как собачонка, лапки поднять. Так эти жлобы мне прикладом по голове. Никакой тебе культуры у этих фрицев. Видать, не понравился им Сеня Голота. Очнулся в поле, на снегу, рядом два немца стоят. Один из них амбал, как два меня, тычет стволом в портрет и что-то гутарит по-своему. Ну, я им, мол, наше вам с кисточкой, а эти чудаки меня под белые ручки да пинками под зад, да так, шо ребра до сих пор ноют. Вот, — Голота ощерился, показывая два ряда ровных белых зубов.

Скоморохов заметил, что один зуб на нижней челюсти одессита отсутствует.

Голота ткнул пальцем в щербину.

— Вынесли и даже не спросили, как меня зовут. Шоб им жить счастливо, но недолго. После собрали нас, человек пятнадцать, доставили до дороги, а там наших ведут, кавалеристов и «черную пехоту». Пиджачники, кто в чём. Вроде нас. Одни в пальто, другие в ватниках. Этих больше всего было. Их, бедолаг, во время нашего наступления из дома сразу в части набирали. Винтовку в руки и айда. А шо с них проку, я вас спрошу? Толку нет — одни убытки. Большинство не обученные. Потому и полегло их тьма-тьмушая, снега от их лапсердаков видно не было. Самому пришлось на это зрелище не для слабонервных полюбоваться. А из тех, кто цел остался, многие в плен попали. Вот в этот гамуз нас и определили. Потом лагерь для военнопленных под Витебском. Ну, а как на-

ши освободили, меня сразу сюда, на отдых отправили. Поправиться, значит, и подкормиться. Только я через эти марципаны, которыми тут кормят, стал иметь бледный вид и шаткую походку, но всё лучше, чем у немцев. Я, конечно, дико извиняюсь, но до ужаса хочется спросить, а тебя как жизнь сюда закинула?

— Долго рассказывать.

— Ой, я вас умоляю, мне вже торопиться некуда. Конечно, если ты не хочешь открыть душу Сене Голоте, так я ж не возражаю. А если думаешь, шо у мене длинный язык, тогда плыть нам разными пароходами.

Усатый старшина подал команду:

— Строиться!

Скоморохов сплюнул себе под ноги.

— Пойдем, Сеня. После бани потолкуем.

Спецконтингент строем вывели за территорию лагеря. Разношерстная колонна молча зашагала по дороге. Скоморохов опустил голову. Тупоносые носки башмаков мелькали перед глазами. Раз-два, раз-два. Сейчас он мысленно шел в свое недавнее прошлое...

21 июня 1941 года.

Одна из погранзастав в районе Перемышля

Июнь дивная пора, когда земля нежится под щедрым летним солнцем, наливается плодоносной силой, когда душа человеческая радуется те-